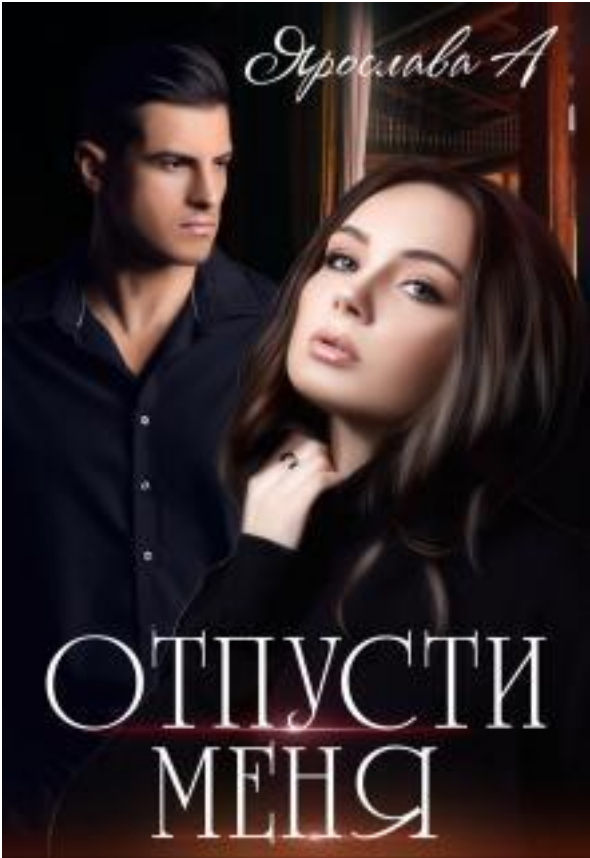

The image is a book cover featuring a man and a woman in a dark, moody setting. The man is in the background, looking off to the side, wearing a dark shirt. The woman is in the foreground, looking upwards and to the side, with her hand near her neck. The background appears to be an interior space with warm lighting and architectural details like columns.

Ярослава А

ОТПУСТИ МЕНЯ

Ярослава А Отпусти меня

<https://litres.ru/74308904>

Аннотация

Первая любовь не забывается. Каждая из нас трепетно хранит, приправленные терпкой ноткой сожаления, воспоминания о ней. Кто не задавался вопросом: а что если бы...? И вот насмешница судьба сталкивает вас вновь, окуная в эти уже забытые чувства. Но прошло время. За твоей спиной стоит семья. Настоящая любящая. Ты изменилась, а он нет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Телефонная трель звонка, заставила меня со стоном разлепить глаза.

— Блядь, кого там черти несут, — зло буркнула я шепотом и, резво вскочив с дивана, понеслась на кухню — не дай бог детей разбудить. Они же потом, если не выспятся, всю кровь попыют.

Глянула на дисплей. Телефон был не знакомым.

— Ало, — хрипло выдавила я в трубку.

— Здравствуйте, — прозвучал звонкий женский голос.

Я узнала его моментально, и сердце отчего-то учащенно забилося.

— Вера Ивановна, — чуть заторможено произнесла я, — Это вы?

— Ага! Забыла мать родную. Чему тебя в школе учили?

Я совершенно растерялась от ее обиды. Да. Нехорошо мы расстались в последний раз. Я невольно чувствовала перед ней вину.

— Ты, говорят, второй раз мамой стала. Поздравляю.

— Спасибо, — пробормотала я, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

— Ты сейчас работаешь?

— Работаю.

— Маш, послушай. Мне очень нужен финансовый дирек-

тор.

Я зависла на мгновение и тихонько выдохнула:

— Вера Ивановна, я польщена, но вы уверены, что... это будет уместно.

— Ну что ты, в самом деле. Не глупи. Новый, интересный проект, хорошая оплата.

Она назвала сумму. Это было почти в два раза больше моей теперешней зарплаты. Заманчиво. Матери двоих маленьких деток не так-то просто найти место с достойным заработком, будь она хоть трижды гением. А деньги были нужны. Очень нужны...

— Я подумаю, — решила я.

— Отлично, — обрадовалась Вера Ивановна, — Ты только не затягивай с ответом. Подумай до конца недели. Буду ждать звоночка. Пока.

— До свиданья.

Я осторожно положила телефон на стол и, уставившись в одну точку, лихорадочно пыталась понять, что это сейчас было.

— Кто звонил? — раздался рядом голос мужа.

Обернулась и волна нежности прокатилась от горла к животу подобно цунами. Взлохмаченный, сонный, с помятым лицом. Каким бы он ни был — я любила его.

— Не поверишь. Вера Ивановна, — пытаюсь унять предательскую дрожь в голосе, сказала я.

— И?

— Работу предлагает.

Сашка фыркнул и небрежным движением щелкнул электрическим чайником.

— Директором финансовым, — добавила я.

— Я, надеюсь, ты послала эту стерву лесом?

Я вздохнула, решив, разумно промолчать.

— Ты все же решилась, — сказала бабушка, внимательно рассматривая меня поверх очков.

— Решилась, — вздохнула я.

Она с царским видом отпила из чашки чая.

— А чего тогда трусишься?

Ах, если б я сама знала.

— Не направиться мне все это, — говорит моя мудрая бабушка, — Чуешь, откуда ветер-то дует.

— Ба, столько лет прошло. Неужели ты думаешь, он все это время страдал? — это я скорее себя успокаиваю, а не ее.

— Да он у тебя все время страдал, — ехидно отозвалась она.

Некоторое время молчим. Я гипнотизирую телефон, а она с упоением поглощает кусок торта.

— Тебе нельзя столько, — с укором говорною ей, — Вредно.

— Жить вообще вредно. Отстань и не порть всю малину.

Звони Верке.

Я судорожно выдыхаю, стараясь унять разволновавшееся сердце, и набираю новый номер Веры Ивановны.

— Вера Ивановна?! Добрый. Да, подумала. Можно попробовать. Детали при встрече. Завтра? Отлично! Только вечером. До встречи.

Бессильно опустила руку. Что-то мне подсказывает, что я совершаю ошибку. Как бы мне все это ни вышло боком. Опять.

Десять лет. Десять гребаных лет прошло. Давно. Или недавно? Кажется в прошлой жизни. Иду по коридору и мои высокие, на грани приличий, каблуки звонко стучат по плитке. Словно повинуюсь давней привычке, чуть задерживаюсь у окна, вглядываясь в свое неясное отражение. Я почти не изменилась. По крайней мере, внешне. Та же стройная, гибкая фигура, те же густые шоколадные волосы, то же грустное и немного наивное лицо. Не красавица, но однозначно не лишена привлекательности. Мужчины любят меня в силу своего природного эгоизма и завидуют моему мужу. Ведь я покладиста, не скандальна и очень хорошо понимаю противоположный пол. Со мной им легко, приятно и интересно, потому что я умею слушать. Я хорошая девочка. Но в тихом омуте, как говорится, черти водятся. Это про меня. И что-

бы мои личные черты не сбивали с пути истинного, стараюсь жить в бешеном ритме.

— Маша!

Оборачиваюсь. Вера Ивановна, выглядывает из своего кабинета.

— Чего стоишь?

— Я думала, вы теперь наверх переехали?

— Мне так привычнее, — улыбается она, — Проходи скорее.

В кабинете у нее теперь новая красивая мебель, цветы.

— Чай будешь?

Качаю головой и смотрю на нее во все глаза. Постарела, но глаза по-прежнему искрятся задорным блеском. Огонь, а не женщина. Умная, стремительная, успешная и...одинокая. Когда-то мне хотелось быть похожей на нее. И, слава богу, что этого не произошло.

— Ты совсем не повзрослела, — говорит Вера Ивановна, — И не скажешь, что уже мама.

— Внешность обманчива, — грустно улыбаюсь в ответ.

— А я вот растолстела, как бочка, — она хлопнула себя по сытным бокам и заливисто рассмеялась.

— Ну, вы же теперь бабушка. Вам по определению положено.

Она расцветает и довольно, жмурясь, щебечет:

— Сейчас фотки покажу.

Она быстро кликает на мониторе мышкой, открывая файлы, и мы вместе смотрим изображения ее очаровательного внука.

Тут дверь резко распахивается.

— Вера Ивановна! Я надеюсь это мой бюджет?!

— Ваш бюджет у финансового директора!— шутливо бурчит женщина.

— У меня его с недавних пор нет! Перевел на должность директора.

— Во-о-о-т! — она приподнимает палец вверх, — Сейчас приму на работу нового и все у вас будет.

Я замираю и стараюсь выровнять дыхание. Отрывая взгляд от своих рук и не спеша, повернув голову, встречаюсь взглядом с холодными, как арктические льды, голубыми глазами.

— Мария?! — удивленно вскидывает светлые брови женщина.

— Владимир Иванович, — сухо выдаю я.

Неуютно ерзаю на стуле под откровенно сканирующим взглядом. Вера Ивановна что-то щебечет о том, как им повезло, что я все же согласилась на эту должность. Делаю вид, что внимательно ее слушаю, вежливо улыбаюсь и согласно киваю. В общем, создаю впечатление взрослой, уверенной в себе и своей жизни женщины. Впрочем, так оно и было, пока пару минут назад не открылась дверь кабинета.

Владимир Иванович растягивает губы в широкой улыбке.

— Замечательно. Когда выходишь? Через неделю? А почему не завтра? Возьми больничный. Не мне тебя учить.

Я чуть слюной не подавилась. Да, уж. Теперь уж точно не ему.

Первый месяц пролетел незаметно. И если до этого я жила в постоянно стремительном беге, то теперь моя жизнь походила на полет реактивной ракеты. Настолько был жесткий график. Муж недовольно ворчал, что опять похудела. А я? Я была на своей волне. Так бывает всегда, когда меня захватывает работа. Дети, слава богу, не болели и радовались жизни.

Так наступило лето.

Начиналась пора активного строительства и приближался долбаный день строителя, для которого я весь вечер делала презентацию. Не успею сегодня, придется выходить в субботу.

Сажу, пью крепкий кофе, пялюсь на монитор, почти лениво просматривая фотографии с объектов, надеясь найти что-то подходящее. Разве это работа для финансового директора? Правильно. Но больше некому. А опозориться перед всей областью как-то не хочется.

Заезжал муж. Доложил, что дети у свекрови и привез мне целый пакет пирожков. Свекровь у меня святая женщина. Обожаю ее.

Сажу, жую пирожок, за окном стемнело. Отвлекаюсь на телефон. Начальник звонит.

— Да.

— Привет.

Голос бархатный с легкой хрипотцой и бесконечно пьяный. Молчу. Сердце забилося где-то в районе горла.

— Чем занимаешься?

— Работаю.

— М-м-м, — неразборчивое мычание и тишина.

— Вы что-то хотели, Владимир Иванович? — осторожно спрашиваю.

— Зайди ко мне.

Капец. Вот и началась моя веселая жизнь. Господи, ну почему я такая дура? Почему жизнь меня ничему не учит?

— Хорошо, — чуть слышно выдыхаю я и отключаюсь.

Секунд десять смотрю на монитор компьютера и подрываюсь с места. Хватаю сумку, ключи, быстро отрубая комп и как можно тише стараюсь закрыть дверь своего кабинета. Но все равно в тишине ночного офиса, звук звякающего ключа слишком сильный. Или мне это кажется? Стремительно иду на парковку.

Рядом с моей «Маздой» стоит черный джип начальника. И почему я так волнуюсь? Черт. Это плохо. Очень плохо.

Неловко роюсь в сумочке в поисках ключей. Наконец, окопав их на самом дне, испуганно вздрагиваю оттого, что на плечо ложиться чья-то тяжелая ладонь.

— Ты куда-то собралась?

Медленно оборачиваюсь.

Владимир Иванович стоит совсем близко, чуть пошатываясь. От него ощутимо пахнет алкоголем вперемешку с терпким мужским парфюмом. Дорогая рубашка, еще с утра идеально разглаженная, чуть помята. Волосы взлохмачены, а глаза пьяно блестят.

— Домой, — решительно отвечаю я и смахиваю его руку.

— До-мо-й, — насмешливо растягивая слова, повторяет он за мной, — Ты до отвращения предсказуема.

Плакаю сигналкой, открываю дверь и со злостью кидаю сумку на пассажирское сиденье.

— Простите, Владимир Иванович. Мне пора. Детей забрать нужно.

— Ах да! Детей забрать, — повторяет он за мной и слова звучат со злостью.

— Именно. Всего хорошего.

Поворачиваюсь, чтобы сесть уже в машину, но сильная рука хватает за локоть и, разворачивая, прижимает к двери внедорожника. Придурок! Я теперь свое любимое белое платье хрен отстираю.

Он наклоняется близко, обдавая запахом перегара, и хрипло шепчет:

— Вернись ко мне.

Сердце испуганно дергается, и грозные слова застревают где-то в районе горла. Мое молчание было воспринято как согласие. Легкий поцелуй в висок и жаркое:

— Поехали...

Губ касается злая усмешка. Я вскидываю голову, чтобы набраться смелости и посмотреть ему в глаза. Пока он такой — раскованный и пьяный. Если повезет, то он и не вспомнит нашего разговора.

— Ты опоздал. Лет на десять. Я замужем.

— И что? — глухо отвечает он, — Я тоже женат.

Меня от этого ничем не прикрытого цинизма пробирает на смех. Глупый и истеричный.

— Я не собираюсь тебе ничего объяснять. Пусти. Меня дома ждут дети.

Мгновение он смотрит на меня зло, с затаенной обидой, а потом отпускает со словами:

— А ты изменилась.

— Мне уже не девятнадцать, — сухо бросаю я и, забравшись в гостеприимный салон своей «Мазды», уверенно завожу двигатель и еду к воротам.

И уже выехав с охраняемой территории за забор, останавливаюсь, прислоняюсь лбом к рулю и часто-часто дышу, пытаясь не разрыдаться. Почему? Почему он до сих пор имеет такую огромную власть над моим глупым сердцем?

Дома меня, как всегда, закружила суета и забота. Депрессивные мысли моментально вылетели из головы. Думать о чем-то постороннем, кроме насущных домашних дел, не было времени. Нужно наготовить на выходные, прибраться, по-

гулять с детьми, съездить за покупками и разрешить множество всяких мелких задач. И только ближе к ночи, когда, я, свернувшись клубочком под боком у мужа, засыпала, где-то на грани сна и яви воображение подкинуло болезненное воспоминание — «вернись ко мне».

Понедельник, слава богу, прошел, как обычно, бурно, шумно, нервно. На планерке снова орала до хрипоты, пытаюсь перекрычать главного инженера. Мужик до сих пор не может никак понять, что переспорить меня бесполезное занятие. Я все равно сделаю по-своему.

— Пигалица, — тихо буркнул в мою сторону, красный как рак от натуги мужчина.

Я не удержалась и прыснула со смеху, поймав искрящийся пониманием взгляд Веры Ивановны. Нас обеих посетило чувство дежавю.

— Вы даже не представляете, насколько вы правы, — отсмеявшись, выдала я

Вера Ивановна повернулась к удивленному мужчине.

— Вы, Олег Владиславович, просто еще не работали, когда Мария Викторовна назло вашему предшественнику надела робу и помчалась показывать узбекам, как надо правильно шпаклевать стены в «Северной короне». Мы думали, что прораба удар хватит.

Мужчина посмотрел на меня как-то недоверчиво, словно сомневаясь в правдивости слов Веры Ивановны.

— С трудом верится, — сказал он, изучая внимательным взглядом мой идеальный маникюр.

— Можете не сомневаться. Я лично был на стройплощадке в тот момент, — слышалось от двери.

Все разом обернулись. Владимир Иванович стремительным шагом направился к торцу большого овального стола для совещаний и продолжил проведение планерки уже самолично. Я все это время искоса поглядывала на него, гадая — помнит ли он вечер пятницы или нет.

Когда разбор полетов был закончен и все сотрудники стали покидать зал совещаний, возбужденные и озадаченные заданиями, я сгребла в кучу ворох бумаг и пошла со всеми, чтобы через мгновение замереть от приказа:

— А вас Мария Викторовна я попрошу остаться.
Черт! Черт! Черт!

С трудом сохраняя невозмутимый вид, занимаю прежнее место и, раскрыв ежедневник, с дельным видом смотрю на начальника. Он смотрит в ответ и взгляд его тяжел, как никогда. Губы сурово поджаты, голубые глаза недовольно прищурены.

— Вы сегодня прекрасно выглядите, Мария Викторовна, — говорит он таким тоном, будто в следующую минуту убить собрался.

— Спасибо, — сухо отвечаю я.

— Вы сделали презентацию?

— Сделала.

— Тогда собирайтесь. Вместе поедem.

Невысказанный вопрос застыл на губах вместе с возмущенным восклицанием, так и не вырвавшись сквозь стиснутые зубы. Тихонько переведя дух, отвожу взгляд и говорю:

— У меня очень много работы. Возьмите с собой Веру Ивановну.

— У нее сегодня встреча с генподрядчиками.

Интересно. Это он только что придумал?

— Хорошо, — равнодушно пожимаю плечами я, — Буду готова через пятнадцать минут.

Он сдержанно кивает головой, давая понять, что можно идти и я на негнущихся ногах, ползу в свой кабинет. Там устало опускаюсь в кресло, и взгляд невольно падает на часы. А ведь еще только десять утра. Он же до вечера всю кровь мою попьет.

Чтобы хоть как-то поднять себе настроение, которое маячило где-то на отметке «ниже плинтуса», достала припасенную коробку конфет на особый случай. Случай этот как раз наступил. Без допинга я просто окочурюсь.

Не успела отправить в рот первую конфетку, в кабинет вломилась Вера Ивановна.

— Нагоняй заедаешь?

— Угу, заедаю, — не моргнув глазом, соврала я.

— Чего это он такой злой?

— А я откуда знаю, — демонстративно пожала плечами, — Может, несварение от Людочкиного кофе.

— Ну да, ну да, — хитро поддакнула женщина, оставшись при своем мнении.

Она уселась напротив и стала просматривать, распечатанную на цветном принтере, презентацию.

— Угощайтесь, — протянула ей коробку с конфетами.

На мгновение глаза ее алчно загорелись и тут же потухли.

— На диете я. Убери. Аж глазам больно смотреть.

Досмотрев распечатку до конца, Вера Ивановна довольно протянула:

— Красотища. Вот ничего ты не делаешь наполовину. Моя школа.

Я скопировала нужные файлы на флэшку, собрала распечатки и, схватив еще одну конфету, быстро ее уничтожила.

— Верочка Ивановна, может, поменяемся? Я с генподрядчиком встречусь, а вы с Владимиром Ивановичем в Дом Архитектора сгоняете.

— Э нет, — покачала головой она, — Чего я там не видела. Каждый год одно и то же. К тому же я сегодня не с самим Хрыкиным встречаюсь, а с его Замом. Там, знаешь, какой симпатяшка?

Я вылупила глаза в ответ на подобные откровения.

— Вер Иванна, чего это вас на молодых потянуло?

— А вот! – довольная произведенным эффектом хулиган-

ски подмигнула женщина, — Я вся такая внезапная. Не пугайся. Для Иришки его присматриваю.

Уф-ф-ф. Прямо от сердца отлегло.

— Подождите. Может, еще с мужем помирится. Все-таки ребенок у них растет.

Вера Ивановна разом погрузилась и призналась:

— Дурная она у меня. Любовь и романтику ей подавай. Как до проблем дошло — прошла любовь, завяли помидоры.

Вот уж не думала, что подобное услышу когда-то от начальницы. Она свою доченьку обожала и во всем ей потакала.

— Вы ее сами воспитывали, — совершенно нетактично напомнила я.

Вера Ивановна тяжело вздохнула:

— И не говори, Маш.

Тут она, спохватившись, скосила взгляд на часы.

— Все пока-пока. Я сегодня больше не вернусь.

«Я, наверное, тоже» — подумала я и достала из шкафа белые босоножки на высоченном каблуке.

Переобувшись в свои парадно-выходные черевички, ощутила себя...весомее что ли. Летний брючный костюм грязно-голубого цвета едва ли можно было назвать праздничным, но он был мне к лицу. В нем я выглядела старше обычного.

Огладив приталенный жакет, в последний раз оцениваю свой внешний вид, провожу расческой по волосам и выхожу,

захлопнув на замок дверь кабинета.

Черный «Мерседес» лихо мчит по городским дорогам. Витька виртуозно крутит баранку руля, умело перестраиваясь, сверяясь с навигатором, объезжая пробку. Водитель начальника очень хорошо знает свое дело. И в это «дело» входит также немногословность и бесконечное терпение.

Сажу на заднем сидении, неуютно ерзая по дорогой кожаной обивке, и смотрю в окно. А перед глазами волей-неволей возникают картины давнего прошлого. Все это уже было. Тишина роскошного салона авто, моя нервозность, сидящий впереди светловолосый мужчина. Вот только водителя в том нашем прошлом не было.

Владимир Иванович всегда был на удивление осторожен в отношении своей личной жизни. Никто никогда не знал наверняка с кем он спит, потому что любовницы, как правило, не афишировались. А наши отношения и вовсе тщательно скрывались. Больше по моей инициативе. И сейчас я очень рада, что, несмотря на молодость и неопытность, смогла проявить нужную осмотрительность.

— Притормози. Потом на парковку отъедешь, — раздался сухой голос начальника.

Я на мгновение встрепенулась и мой слегка рассеянный взгляд невольно упал на зеркало заднего вида, встретившись

с Витиным хмурым. Знал ли он? Возможно, догадывался и переживал. Ведь он однажды приглашал меня на свидание. Я, разумеется, отказала.

Выбравшись из машины, начальник тут же заграбастал мой локоть и повел в сторону Дома Архитектора. От его хозяйского поведения я выпала в осадок и, молча, попыталась высвободиться, но жесткие пальцы, только сильнее стиснули. Пришлось терпеть. Не драться же с ним, в конце концов.

— Ты слишком напряжена, расслабься,— посоветовал мне он.

— Расслабишься тут, — буркнула я, едва поспевая за его размашистыми шагами, — Не вам же с презентацией выступать.

Он замедлился, здороваясь кивком головы с какими-то мужчинами, а потом лукаво улыбнулся, отчего его лицо стало моложе на десяток лет, и сказал:

— А я думал, ты переживаешь по другому поводу.

Хотела съязвить, но вовремя прикусила язык. Нельзя вестись на провокацию. Он, похоже, задался целью вывести меня на эмоции. Сделав над собой усилие, напустила на себя маску из арктического льда и улыбнулась в ответ:

— Вам показалось, Владимир Иванович.

Он поморщился, как от головной боли.

— Ты можешь не обращаться ко мне на «вы» когда мы наедине? Раздражает.

— Нет, — коротко и лаконично выдавила я.

Раздражает его. Козел.

Честно? Я ни разу еще не назвала его по имени. Почему? Не знаю. Глупо выкатать мужику, с которым занимаешься сексом, но я долгое время не могла воспринимать себя с ним на равных. Это со временем прошло, но вот Володей его называть язык у меня так и не повернулся. Даже в мыслях.

Он явно хотел еще как-то изощренно вынести мне мозг, но к нам вовремя подошла девушка-администратор, которой я передала накопитель. Она же и проводила нас в актовый зал, где мне предстояло перенести персональную пытку: больше часа сидеть локоть о локоть с Владимиром Ивановичем и с фальшивой улыбкой глазеть на сцену.

Всю развлекательную программу просидела как на иголках, украдкой поглядывая на начальника. Тот на удивление был спокоен как удав, сожравший на обед одну дохлую сотрудницу.

Мысленно усмехнулась. Сейчас,наверняка сидит и самодовольно упивается собственной значимостью. Конечно, ведь большинство в этом зале уже причислило меня в его новые пассии. Как выгодно – двух зайцев одним махом. Смотрите, мужики, она у меня и умница, и красавица. Фу! Противно!

Объявили мой выход. Не спеша встала и уверенной походкой направилась на сцену, где уже на большом проекторе появилась заставка моей презентации. На фоне невесе-

лых размышлений я даже перестала нервно теревить волосы и вполне собранно отыграла заранее заготовленную Верой Ивановной речь.

Нестройный хор аплодисментов. Моя заученная улыбка. Теперь можно тихонько выдохнуть и покинуть всю эту божественную публику.

— Маш, ты чего убежала? — в вестибюле меня догоняет шеф.

— Позвонить нужно, — демонстративно машу смартфоном и, отворачиваясь к окну, теряю интерес к мужчине.

Три пропущенных с незнакомого номера. Набираю — никто не берет трубку. Набираю еще — снова тишина.

— Кому надо тот перезвонит, — говорит Владимир Иванович и перехватывает мою руку.

Тебя, блин, забыла спросить. Пытаюсь высвободить руку. Держит крепко и смотрит в глаза со смазливенькой улыбочкой. Вот как можно выглядеть так в его-то годы?

— У меня к тебе предложение!

Угу, знаем мы ваши предложения. Плавали — знаем.

— Поехали, пообедаем в какое-нибудь уютное место, — и звучит не как вопрос, а утверждение.

— У меня работы вагон, — бесцветно отзываюсь я, — Если я больше тут не нужна, то хотелось бы поскорее вернуться в офис.

Глаза его моментально покрываются корочкой льда, с лица сползает вся игривость. Не отвечает. Просто разворачи-

вается и идет на выход. Мне остается только поспешить за ним.

Едва мы отъезжаем от Дома архитектора, я сразу же понимаю, что едем мы куда-то ни туда. Витя заболел внезапным топографическим кретинизмом?

— Офис в другой стороне, — напомнила я мужчинам.

— Сначала пообедаем, а потом в офис.

Витя едва заметно беспомощно пожал плечами, перехватив мой злой взгляд в зеркале.

Тут телефон в моей руке мягко завибрировал, сообщив о том, что пришло сообщение.

«У Даши температура 39. Приезжайте скорее»

Сердце подпрыгнуло в груди и забилося где-то в районе горла. Значит, это воспитательница из детского садика не могла до меня дозвониться. Отписалась, что скоро буду, а сама с ужасом подумала, что добираться мне часа полтора не меньше. Сашке было звонить бесполезно. У него работа разъездного характера. И, сегодня, как назло, он умотал километров на двести от города.

— Витя поворачивай. Мне срочно нужно в офис.

— Подождет твой офис, — лениво отозвался начальник таким тоном, будто я маленькая.

— Нет, вы не поняли. У меня ребенок заболел. Мне срочно нужно ехать, — попыталась объяснить я, на что Владимир Иванович только хмыкнул:

— Помнится, раньше ты тоже отмазывалась больным ре-

бенком.

Такое и вправду было. Говорила, что болеет брат, а сама встречалась с Сашей. Но это не значит, что нужно вести себя как скотина. Он что, вообще, умом тронулся?

— Витя останови на остановке, — стараясь унять нервную дрожь, приказала я, а когда водитель не отреагировал, то просто вышла прямо на проезжую часть из машины, когда та притормозила на светофоре.

— Маша?! – Владимир Иванович выскочил следом, — Ты куда?

— В садик. За своей дочерью, — рыкнула, не оборачиваясь, когда он догнал и схватил за руку.

В тот момент я впервые в жизни увидела его таким растерянным. Словно до него только дошло, что у меня на самом деле есть дети.

— Садись обратно. Я тебя отвезу.

— А как же ресторан? — зло буркнула я.

— Я же сказал – отвезу, — нетерпеливо подтолкнул обратно к «Мерседесу» он.

— Мне нужно машину забрать.

— Витя потом пригонит.

У него на все есть готовый ответ. Конечно, очень удобно, когда есть немногословный Витя.

Мои дети ходят в один садик. Чтобы потом не искать с кем оставить больную дочь я сначала захожу за Артемом. Он у меня спокойный и умный мальчик.

— Взлослый, — с важным видом говорит всегда он, поделовому подбоченившись.

Даша полная противоположность брату. Маленькая взрывоопасная принцесса.

Сейчас принцесса больна. У нее высокая температура, поэтому она пластом висит на моих руках, а Артем — мой главный помощник, несет мамину сумку.

— Это твои дети? — мрачным и тяжелым взглядом смотрит на нас Владимир Иванович, когда мы всеми, забравшись в машину, едем домой.

— Ну, не чужие же, — отзеркаливаю тон я и, потеряв всякий интерес к начальнику, глажу Дашу по голове.

До дома едем практически молча. Только изредка я даю указания Вите, где лучше повернуть к дому.

«Мерседес» останавливается у небольшого коттеджа. Наш дом. Который, мы очень долго строим. Нелегко при среднестатистических зарплатах обзавестись собственным жильем в короткие сроки.

— Спасибо, Владимир Иванович, — пожалуй, излишне прохладно благодарю я.

Он молчаливо кивает и провожает наше семейное трио колючим взглядом. Что не ожидал, что я теперь дама крепко занятая? Это раньше ты мог позвонить в любое время дня и

ночи и приказать:

— Собирайся. Скоро заеду за тобой.

И ведь я собиралась. С радостью. Потому что купалась даже в крохах твоего внимания. Ты же вечно занят. Ты же несвободен.

Оказавшись дома, вздохнула с облегчением. Словно гора с плеч свалилась.

Позвонила мужу, чтобы купил лекарства для Даши, и звала на дом врача.

Саша в этот вечер был как-то молчалив. В заботах, я сначала этого не заметила. Когда температура у Даши была сбита, а сама она на пару с братом уложена спать, я заварила себе крепкого чая с целью немного поработать за компьютером.

— А где твоя машина? – как бы между прочим поинтересовался муж.

— На работе осталась. Я сегодня с начальником была на празднике, когда с садика позвонили. Он и подвез.

— Ясно. Давай ключи. Завтра поеду на маршрутке и заберу ее.

Я дура совершенно без задней мысли отмахнулась:

— Не надо. Витя – водитель начальника обещал пригнать. Чего ты будешь мотаться?

Саша мгновенно переменился в лице. Глаза недобро при-

щурились, а губы недовольно поджались:

— С чего бы это такая забота? Подвозит. Машину отгоняет.

Проклиная свой длинный язык, пожала плечами, показывая, что не считаю это тем, за что мне стоит оправдываться.

Муж мгновенно преодолел расстояние между нами и, внимательно посмотрев в мое, ставшее испуганным лицо, прошипел:

— Если я узнаю... Не дай бог, я узнаю, что ты с ним опять трахаешься...

И ушел.

Хлопнула входная дверь. Курить пошел...

Стою ни жива, ни мертва, а в голове только одно: как он узнал?

Да он знал, что до него у меня были длительные отношения. Но в подробности я не вдавалась, оставляя за собой право не беречь прошлое.

Это, вообще, очень странно.

Саша никогда меня не ревновал. Наоборот, всегда со снисходительной иронией наблюдал за плотоядными мужскими взглядами, которые довольно часто ласкали мою фигуру.

А сейчас, словно чувствует.

Глава 2

Даша выздоровела на удивление быстро. Уже в воскресенье утром бегала как заводная и ждала, когда мы, наконец, пойдем гулять. Поэтому причин брать больничный у меня не было, хотя так и подмывало дать себе небольшую отсрочку и отсидеться, словно страус, спрятавший голову в песке.

На работу ехала в понедельник как на каторгу.

Собиралась что та сонная черепаха. Обычно наши с детьми утренние сборы похожи на стихийное бедствие. Но сегодня муж сам вызвался отвести их в садик, и у меня осталось немного свободного времени, что случалось крайне редко.

— Поспи еще немного, — заботливо чмокнув мою спутанную макушку, прошептал он перед уходом.

Ну, да. Это ж он первая причина моей утренней разбитости. До четырех часов утра долго и энергично доказывал мне свою любовь. Хотя, как по мне, то просто утверждался в своем единоличном праве, словно задался целью затрахать меня так, чтобы на других даже сил коситься не было.

Своего он, к слову, добился. Все мышцы превратились в кисель, а кости в желе. Тело болело так, что влезала в свое любимое белое платье со скрипом. Белье выбирала с особой тщательностью, потому что между ног болезненно саднило. В общем, сексом назанималась на неделю вперед.

На работу чуть не опоздала. Мне, конечно, как руководящему составу позволительно чуть задержаться, но я старалась не злоупотреблять этим лишний раз. Для меня всегда внутренняя самодисциплина была важнее внутрикорпоративной.

Припарковав «Мазду», с облегчением отметила, что тачки босса не наблюдается. Хотя это не показатель. Он мог Витю послать по каким-нибудь делам.

Пока добиралась до своего кабинета, встретила всех кого только могла и голова была уже забита рабочими вопросами под завязку, чтобы напрягать мозг чем-то другим.

День пролетел незаметно. До обеда только и успевала говорить «войдите» толпам «паломников», которым вечно нужно что-то согласовать, уточнить и подписать. А после обеда вместе с Верой Ивановной засели за обмозговывание новой задумки Владимира Ивановича.

Мыслительный процесс шел со скрипом. Сказывался катастрофический недосып.

Начальница, кивая на третью по счету кружку кофе в моей руке, сочувственно покачала головой:

— Детишки шалили ночью?

— Если бы, — фыркнула я, со стоном блаженства делая глоток крепкого, горького напитка, — У мужа вчера случился приступ вселенской любви.

Глаза Веры Ивановны изумленно округлились, а затем она мечтательно вздохнула:

— Эх, молодость... Счастливая ты Машка. Хорошего себе мужика отхватила.

— Хорошего, — покорно согласилась я и переключила свое внимание на монитор.

На самом деле мой муж очень сложный человек. Я бы даже сказала жесткий и бескомпромиссный. Привык быть главным в семье. И из нас двоих именно мне приходится под него подстраиваться. По принципу — проще уступить, чем переспорить, а потом сделать по-своему. Только мой покладистый характер делает наш союз крепким. Вот если бы Вере Ивановне достался такой спутник по жизни, они развелись на третий день после свадьбы.

— Нет. Так не пойдет. Нужно больше конкретики, — откинувшись на спинку кресла, сказала я, — Я понимаю, что в уме он уже нарисовал себе идеальную концепцию, но этого не хватает, чтобы провести четкие параллели и аналитику. Нужно еще раз собраться и обсудить основные моменты, посоветоваться с главным инженером, в конце концов.

— Ну-у-у, тогда это надолго, — протянула начальница.

— Это еще почему?

— Так ты еще не в курсе? — удивилась она, — Укатил твой Владимир Иванович на отдых.

Вот, значит как. Фух. Словно гора с плеч упала. Теперь недели две можно не шараться от собственной тени.

— Говорят — с женой поехал, — как бы промежду прочим обронила Вера Ивановна.

— А раньше что не ездил?

Вера Ивановна только пожала плечами.

— Какие-то у них «высокие» отношения, — заметила я и сама удивилась едкости тона, которым было сказано.

На самом дела в душе я всегда жалела супругу своего бывшего любовника и никогда, даже в самых страшных снах, мне не хотелось оказаться на ее месте. На кой черт такой муж? Да — красивый. Да — богатый. Но разве это семья, если жена за порог, а он тянет в свою супружескую постель любовницу? Даром что любовница, в смысле я, дура малолетняя. Тогда я еще мало понимала всю мерзость своих поступков. Глаза застилала наивная до тошноты девчачья влюбленность.

Передернув плечом и отгоняя неприятные воспоминания, я снова уткнулась носом в монитор, стараясь вникнуть в цифры. Спустя минут двадцать поняла, что не могу сосредоточиться на работе. Голос Веры Ивановны набатом стучал на подкорке сознания, но мысли мои все равно, так или иначе, возвращались туда — на десять лет назад.

Завибрировал телефон и я, свесившись с кровати, мутным ото сна взглядом посмотрела на дисплей. Телефон оказался незнакомым. Посему рука с чистой совестью нажала сброс звонка, а я, перевернувшись на другой бок, накрылась с головой теплым одеялом.

Не прошло и минуты, как дисплей снова засветился, сообщая о том, что пришло сообщение. Нехотя протянула руку и с удивлением прочитала:

«Выходи. Жду тебя»

И, опять-таки, с того самого незнакомого телефона. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться: кто именно прислал сообщение.

Выбираться из своего теплого убежища, а тем более куда-то идти совершенно не хотелось, но настойчивая вибрация телефона, мягко напомнила, что, похоже, от меня сегодня не отвяжутся.

— Куда ты? – раздался с кухни каркающий голос моей бабушки.

— Пойду воздухом подышать.

В дверном проеме показалась грузная бабушкина фигура. Глаза с неизменными очками недовольно сверкнули, тщательно сканируя мое помятое после сна лицо. И ежу понятно, что ни за какие блага мира, я бы по доброй воле не согласилась в дождливую погоду выбраться из-под одеяла да еще и на улицу. Она критически оглядела результаты моих нехитрых сборов и сурово сдвинула брови на переносице:

— Маш, пора уже кончать все эти свиданки.

— Да знаю я, ба...знаю..., — я тяжелым вздохом отвечаю я и накидываю поверх простенького спортивного костюма куртку.

Выйдя на улицу, поежилась от резкого порывистого ветра

и огляделась. Неподалеку стоял черный внедорожник. Фары два раза приглашающее моргнули и я, хлюпая кроссовками по лужам, поспешила к машине.

По привычке вскарабкалась на заднее сиденье и, как всегда, сердце забилось в разы сильнее от хриплого:

— Привет. Я тебя заждался.

Высокий светловолосый мужчина на мгновение покинул гостеприимный салон авто, чтобы перебраться ко мне с водительского места и тут же, щелкнув блокиратором дверей, с жадностью стиснуть меня в жестком захвате.

Холодные голубые глаза впились испытывающим взглядом в мое, запрокинутое в беззащитном жесте лицо.

— Почему вчера не перезвонила?

Блядь. И как сказать, что не перезвонила, потому что полночи занималась сексом с другим мужиком?

— Спала, — легко соврала я.

И он с легкостью сделал вид, будто поверил мне и оттого его поцелуй принес с собой горечь недоверия.

Жадно, жарко, нетерпеливо он терзал мой рот своим настырным языком, и я отвечала скорее механически. По привычке. Уже зная, что последует дальше.

Он с легкостью избавил меня от мешающей одежды и, расстегнув брюки, резко жестко насадил на свой каменный член.

Я зашипела от легкого дискомфорта, и ядовитая усмешка коснулась губ. Конечно же. Нафига передо мной расшарки-

ваться. Захотел, приехал, грубо трахнул в машине и поехал дальше по своим делам. Я же просто любовница. На все согласная, безотказная, терпеливая.

В тот момент я почувствовала себя грязной тряпкой, о которую три долгих года он методично вытирает свои дорогие ботинки.

Что это? Жалость к себе? Запоздалое раскаяние?

Откуда оно могло возникнуть, если я всегда заглядывала ему в рот с идиотской восторженной физиономией?

Просто изменила. И узнала, что бывает по-другому.

Уйти от него. Но что-то держит. Тянет за душу, тикает в мозг.

И отчего-то губы сами ищут поцелуя, а пальцы зарываются в короткие светлые волосы на затылке и тело само подхватывает ритм, вторя бешено стучащему сердцу.

И все же на краткое мгновение он полностью мой...

Позже я медленно натягиваю одежду, а он курит и пристально наблюдает за мной, подозрительно прищулив глаза.

— У тебя кто-то есть? — спрашивает он.

Удивилась. Заметил. Ну, надо же!

— Есть, — не стала юлить я.

С минуту он молчал, глядя, как я тщательно переплетаю растрепавшуюся косу, а потом с легкой улыбкой поинтересовался:

— Ну, и как оно?

Оторвалась от своего занятия и, посмотрев ему прямо в

глаза, сказала чистую правду:

— Нравится. Замуж выхожу через два месяца.

Я ожидала чего угодно. Приступа ревности. Злых обвинений, упреков. Даже, возможно, смеха, но никак добродушного:

— На свадьбу позовешь?

Я просто выпала в осадок. Не подозреваю, какое в том момент у меня было лицо, но мой любовник с легкой улыбкой чмокнул меня в губы и произнес:

— Я понял. Звонить по вечерам больше не буду. Давай ты сама в следующую пятницу, набери. Ладно?

Наверно именно в этот момент во мне что-то умерло.

Я совершенно отчетливо поняла, что ему просто наплевать, есть ли у меня еще мужчина на стороне. Да хоть несколько! Его и так все устраивало. Ну, подумаешь, любовница замуж собралась? Разве это проблема?

— Ла-д-но, — чуть заторможено ответила я и, не прощаясь, выскользнула на улицу под проливной дождь и побежала к подъезду.

На следующий день у Владимира Ивановича лежало мое заявление на увольнение, а на телефон ему должно было прийти сообщение с коротким:

«Не звони мне больше»

Оставшиеся две недели июня пролетели незаметно наполненные суетой повседневных дел и забот. Ввиду отсутствия высокого начальства народ расслабился и работал вполсилы. Я тоже не сильно горела энтузиазмом, поэтому едва стрелка часов переваливала за отметку шести часов, летела домой, чтобы, забрав малышню из садика, отправиться на пляж. Чуть позже обычно подъезжал выжатый как лимон Саша, но глядя на резвящихся на мелководье детей черты его хмурого лица разглаживались и вскоре к нам возвращался наш любимый, добрый папа.

— Ты в последнее время какой-то уставший, — дома за ужином говорю я мужу, с беспокойством всматриваясь в его глаза.

— На работе движения какие-то нехорошие, — словно нехотя отвечает он, с усердием кромсая кусок курицы, — Не бери в голову.

— Я переживаю..., — робко начала я.

— Не переживай. Нет ничего такого, с чем бы я ни справился, — тут же свел на нет мою попытку вывести причину его дурного настроения.

Все еще недовольно поглядывая на него, я отступилась и, собрав со стола тарелки, пошла укладывать детей по кроватям.

На следующий день пришлось выехать пораньше, чтобы заскочить в цветочный магазин. У нас на работе сегодня праздник. И не какой-нибудь, а юбилей Веры Ивановны. Ку-

пила ей стильный букет из белоснежных каллов, рассудив, что сегодня ее завалят банальными розами.

— Какая прелесть! — восторженно всплеснула руками начальница, принимая букет и тут же беспомощно начала озираться по сторонам в поисках свободной тары.

Все вазы и банки были уже заняты. Пришлось притащить ей ведро уборщицы из подсобки, чтобы не повяли ее нежные подарки.

— Маш, у меня в тебе просьба, — опутив, наконец, цветы в воду, обратилась Вера Ивановна, — Я хочу сегодня гостей позвать к себе на дачу. Соберемся узким кругом, шашлычка пожарим. Человек тридцать будет.

Ох, ни фиги себе «узкий круг»!

— Поэтому сама понимаешь – нужно смотаться до дачи, все там подготовить. А у меня сегодня встреча с управляющим в Ивестпромбанке по новому проекту. Такой он нудный мужик. Ведь затянется вся эта песня на целых полдня.

Мне уже стало понятно, что эту встречу, она на меня спихнуть задумала.

— Машунь, встретиться с ним за меня. Я тебе Стасика дам. Он потом тебя отвезет к нам на дачу.

— Вера Ивановна, вы только не обижайтесь. В банк я съезжу, а на дачу... не знаю получится ли.

— Это еще почему? — сурово нахмурила идеально выщипанные брови женщина.

— Детей забрать нужно. Потом со свекровью договорить-

ся их оставить. А вдруг откажет?

— Так позвони ей скорее и узнай, — надела на меня Вера Ивановна и, сложив руки на груди, добавила, — Тебе давно стоит развеяться и отдохнуть в шумной компании.

Развеяться и вправду хотелось. Непомню, когда в последний раз ходила куда-то в гости без мужа и детей. Наверное, вообще не ходила. Поэтому решительно достала телефон и набрала свекрови. Та, конечно, согласилась. Святая женщина! Внуков она обожает. Даже предложила сама забрать их из садика.

— Отдохни, Машенька! – обрадовалась она, — Не переживай, я их заберу, накормлю, искупаю, а Саша заедет и заберет. Ему останется их только спать уложить.

Я не планировала засиживаться у Веры Ивановны допоздна, но говорить этого ей не стала. Поблагодарила ее и пошла собирать документы для встречи с управляющим банка.

К вечеру, выходя из банка, если я и думала об отдыхе, то только исключительно лежа на горизонтальной поверхности под одеялом и досматривая седьмой сон. Устала настолько, что ехать к Вере Ивановне на дачу перехотелось.

— Отвезешь меня в офис? – спросила я у Стасика – водителя нашего офисного синего «Форда».

— Извините Мария Викторовна, — виновато потупил глаза парень, — Я тогда не успею Веру Ивановну из салона забрать. Сейчас ей позвоню. Может, подождет.

Он полез за телефоном, но я покачала головой:

— Не надо, — и достала из сумки свой, набирая мужу, — Саш, привет!

Не вдаваясь сильно в подробности, рассказала ему о юбилее Веры Ивановны и попросила, как освободится забрать меня, чтобы у юбилярши не было возможности уговорить меня остаться подольше. А так и начальницу не обижу, и задерживаться не стану. Пропущу пару стаканчиков с вином и домой.

— Я постараюсь пораньше, — пообещал муж, — Кидай сообщением адрес.

Вот и славненько все получается.

Дача у Веры Ивановны находилась в элитном поселке пригорода на берегу реки. Домик, по сравнению с соседскими виллами, был скромный, но симпатичный.

Всю дорогу начальница без устали болтала по телефону, принимая бесконечные поздравления от друзей и родственников. Я же с нарастающим раздражением, не могла понять, откуда в этой женщине столько энергии. Просто энержайзер какой-то! В общем, когда мы добрались до дачи, мне уже хотелось обратно.

Слава богу, на стол накрывать не пришлось. Здесь банкетом заправляла дочка Веры Ивановны — Иришка.

Пока я осматривалась, с наслаждением вдыхая вечерний

воздух, стали подтягиваться гости. В основном бывшие коллеги по работе с кем у Веры Ивановны сохранились дружеские отношения. С некоторыми я была уже знакома и за столом, который накрыли на веранде, завязалась непринужденная беседа. После нескольких тостов и выпитых рюмок, гости заметно приободрились, и стало довольно шумно.

Я лениво потягивала красное вино, внимательно слушая рассказ одного мужчины о том, как он ходил охотиться на кабана. Рассказчик отжигал юморные перлы, поэтому пропустила появление Владимира Ивановича.

— Мария? — раздалось прямо за моим плечом, и на пустующий рядом стул опустился мой персональный кошмар.

Честно, чуть не подпрыгнула от неожиданности. Взгляд мой уперся в его загорелое улыбающееся лицо и настроение, приподнятое веселым охотником, стало стремительно опускаться до отметки «ниже не бывает».

— Добрый вечер, — выдавила из себя фальшивую улыбку.

— И вправду добрый.

Повисло молчание. От неловкости, к счастью, спас все тот же охотник, который, повернувшись ко мне, с энтузиазмом стал теперь расписывать все прелести рыбалки. Я с радостью включилась в обсуждение, игнорируя пристальный взгляд голубых глаз, который, казалось, обжигал затылок.

Через некоторое время выскользнула из-за стола и, отловив раскрасневшуюся и довольную жизнью Веру Ивановну,

прошипела ей на ухо:

— Вы не говорили, что пригласили Владимира Ивановича.

— А я и не приглашала. Он сам приехал, — с лукавой улыбкой сказала она.

— Мне казалось, что он в отпуске.

Женщина пожала плечами, всем своим видом показывая, что она здесь ни при чем, а я не зная, как усмирить тревожный зуд в душе, пошла по тропинке вниз к реке вслед за двумя девушками, которые решили искупаться.

— Маш! — окликнула меня начальница, — Тебе купальник Иришкин дать?

Я отрицательно покачала головой и двинулась дальше. Купаться я не собиралась, только помочить уставшие от каблуков ступни. А еще сбежать от пронизывающего насквозь взгляда голубых глаз, который вопреки логике и здравому смыслу выворачивал всю душу наизнанку.

Наверное, и вправду говорят, что все бабы дуры. В каждой из нас живет нечто темное, откровенное, пошлое. Что-то отчего любая даже самая домашняя кошечка, может превратиться в слетевшую с катушек тигрицу. Просто кто-то этого не подозревает в себе, а кто-то уже давно открыл. И вот я была из последних. В обычной жизни мне вполне хватало загрузить себя текущими проблемами по самые уши, чтобы ни о чем другом даже мыслей не было, но когда дело касалось Владимира Ивановича — мозг всегда давал сбой и при-

вычные методы не действовали.

Почему так происходило? Откуда эти непрошенные чувства? Разве я не люблю Сашу? Разве готова я рисковать семьей из-за мимолетного сентиментального порыва?

Конечно, не готова.

Только, как объяснить это мужчине, который привык получать все, что только пожелает.

И самый главный вопрос: на что он готов пойти, что бы получить желаемое?

Медленными движениями босой ступни я водила ногой по искусственному песчаному дну на мелководье речки, краем глаза наблюдая за тропинкой в душе не сомневаясь, что начальник обязательно воспользуется моментом, чтобы в очередной раз попытаться соблазнить меня. Слишком уж откровенен был его жадный взгляд, которым он провожал меня с веранды.

Прекрасно зная, как муж не любит, когда его отвлекают на работе, не удержалась и написала:

«Ты еще долго?»

Отписался почти сразу:

«Тебе уже надоело?»

Черт. Значит, еще даже не выезжал.

«Надоело»

«Расслабься и выпей. Я пока занят. Освобожусь через час»

С раздражением зажала в ладони телефон и неспешно по-

шла вдоль покато­го берега, озираясь по сторонам.

Неплохо, однако, живут местные богатеи. Огородили речку со всех сторон. Засыпали песком, травку подстригли. Даже площадку детскую поставили.

Я уселась на качели и, оттолкнувшись босыми ступнями от земли, стала неспешно покачиваться, с наслаждением ощущая, как легкий ветерок шевелит растрепавшиеся за целый день волосы.

Тут качели замерли, на мгновение, зависнув на взлете, и тут же затормозили, повинувшись чужой воле.

Обернулась и уже ожидаемо узрела, криво ухмыляющегося Владимира Ивановича.

— Следом шли? — не скрывая недовольства, спросила я.

Он не ответил. Обошел качели и присев на корточки подле моих ног, по-хозяйски опустил горячие ладони мне на колени. Я вздрогнула от прикосновения. Слишком личным казался этот простой жест. Стараясь не выдать собственную нервозность, демонстративно сложила руки на груди, в ожидании глядя на мужчину.

— Маш, я соскучился, — вот запросто заявил мне он без всяких предисловий.

Вот как у него это получается. Одной фразой выбивать почву из-под ног.

— А я нет!

Он протянул руку и погладил по щеке, отчего я дернулась и резко отстранилась.

— Какая ты стала вредина, — обиженно вздохнул он.

— Я всегда была такой.

— Не замечал.

— Ты просто не хотел замечать.

Тяжелый вздох и начальник самым наглым образом зарывается лицом мне в колени в совершенно беззащитном жесте. Словно хочет, чтобы его пожалели.

Блядь! Вот зачем он это делает. Меня же так и подмывает погладить блестящие светлые пряди, как я это делала когда-то. Уже кажется в другой жизни.

— Да что ж тебе неймется! — злясь скорее на саму себя, рычу я и подрываюсь с качелей, скидывая руки мужчины, — Замужем я! За-му-жем! Что тут непонятного?

Владимир Иванович резко выпрямляется и лицо с добродушно-игривого превращается с жесткое и злое. Он хватается за руку и без слов тащит под сень густых деревьев.

— Что? Ну, что тебе еще от меня нужно? — обреченно выдыхаю я, опираясь спиной о дерево.

— Ты. Мне нужна ты, — с убийственной прямоотой сообщают мне, и распущенные волосы моментально попадают в капках чужих пальцев.

— Баб тебе мало? Выбирай любую. Хоть блондинку. Хоть брюнетку. Любая с тобой переспит за..., — вовремя прикусила язык, чуть не ляпнув «за деньги».

Но он, видимо, понял ход моих мыслей.

— Я не хочу любую. Тебя хочу.

— Да что это за потребительское отношение! — разозлилась я вконец, безуспешно пытаюсь вырваться из цепкого захвата, — Ты хоть понимаешь, что я рискую всем, что у меня есть. Это тебе по барабану, что жена скажет. Узнает или не узнает. Без разницы. А меня муж просто выгонит из дома, а потом встретит в суде, где мы будем долго и нудно делить опеку над детьми!

Говоря это, я преувеличивала, конечно же. Саша жесткий человек, но не настолько чтобы разлучать меня с детьми. Но и в остальном приятного было бы мало.

Несколько долгих мгновений начальник смотрел пристально мне в лицо с недоверием. Видимо, о подобном он задумывался впервые.

— Значит, любишь его!

Кто о чем! А он все о своем.

— Я за него замуж пошла. Разве может быть иначе?

— И меня бросила потому, что его любила.

Я подняла на него опешивший взгляд и с горечью призналась:

— Нет. Потому что ты меня не любил.

Он непонимающе хлопнул глазами и отступил на шаг назад, давая возможность освободиться от душившего захвата.

— Любил... — выдохнул он.

С каким-то истеричным смехом покачала головой и не глядя на мужчину прошептала:

— Тогда где же ты был со своим «люблю» десять лет на-

зад?

Хорошо, что он не попытался меня остановить, когда я ушла, размазывая по щекам текущие слезы. Мне нужна была минутка, чтобы успокоиться и привести стремительно разбегающиеся мысли в порядок.

Зачем? Вот зачем он все это делает? Выворачивает своими неосторожными словами всю душу наизнанку?

В полнейшем оцепенении возвращаюсь на веранду и, как ни в чем не бывало занимаю свое прежнее место. Сосед, травивший байки, уже изрядно пьян, но мне на это плевать. Я стараюсь кивать и поддакивать глупым шуткам чисто на автомате. Мысли мои остались там — под сенью раскатистого дерева.

В руке вибрирует телефон.

«Я приехал. Выходи»

Чувство облегчения накрывает меня волной. Подхватываю сумку, неуклюже прощаюсь с Верой Ивановной и бегаю, спиной ощущая колющий взгляд начальника, который после нашего разговора принял выжидательную позицию и не цеплял меня больше.

В салоне Сашиной машины напряжение отпускает. Поворачиваю голову, любуюсь мужем. Он не красавец. Коренастый, чуть полноватый. Лицо строгое, а в темные волосы уже наполовину седые. Он старше меня всего на шесть лет.

— Что-то ты быстро нагулялась, — замечает он, не поворачивая головы.

— Устала, — пожимаю плечами в ответ, — Меня Вера Ивановна загоняла, как ездовую собаку. Сил нет, как хочется вырубиться прямо в машине.

— Так спи. Кто тебе не дает?

Послушно откидываю голову на подголовник сиденья и прикрываю глаза. Но уснуть так и не удастся. Тревожное чувство грызет изнутри.

Не кончится добром это «люблю» Владимира Ивановича. Похоже, за ошибки прошлого пришло время расплатиться. Но эту цену платить я не готова. Поэтому стоит пойти по пути меньшего сопротивления.

Сквозь ресницы меланхолично наблюдаю за сменой декораций за окном автомобиля.

Завтра пятница.

Не буду портить Вере Ивановне похмельную пятницу.

В понедельник напишу заявление.

Поиграли и хватит.

На следующий день я приехала на работу собранная и полная решимости отработать день скупой и без лишних эмоций. В конце концов, это всего лишь работа, которая мне, конечно, нравилась, но найти другую не так уж и сложно. Проблема только в том, что здесь платили выше среднего и такую зарплату никто мне больше не предложит.

Кабинет встретил меня утренней тишиной и...огромным

букетом алых роз.

Резко выдохнула.

Словно ножом в сердце.

Протянула руку и вытащила карточку, где было написано всего одно слово:

«Люблю»

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться — кто так расщедрился.

Осторожно прикоснулась к бархатным лепесткам и отдернула руку словно их огонь мог меня обжечь. Пошлым, черным ядом прорасти в мозгу.

— Твою мать..., — зло выдыхаю я и почти зашвыриваю сумку в шкаф, испытывая острое желание сделать то же самое с цветами, с одной лишь разницей, что вместо шкафа должен быть мусорный бак.

Виски моментально сдавливает головная боль, и я опускаюсь в свое кресло, неотрывно глядя на букет, словно в нем бомба с часовым механизмом.

Он никогда не дарил мне цветов. Ни разу.

А я и не просила. Хоть и хотелось.

Он никогда не дарил мне подарков. Даже на день рождения. Обычно обходился конвертом с деньгами и сухим:

— купишь, чего самой хочется.

И каждый раз больно скребло на душе, которая вскоре стала одной сплошной кровоточащей раной.

Я понятливо кивала в ответ, оправдывая его. Всегда занят.

У мужчин такая скупая фантазия. Лучше и вправду самой купить...

А потом рана затянулась и ей на смену пришла циничная пустота. Занят? Фантазия? Просто много чести для очередной девки в его постели.

Видимо, я слишком ушла в свои мысли, не заметив течения времени. Очнулась, когда хлопнула дверь и ко мне в кабинет подобно торнадо ворвалась Вера Ивановна.

— Привет, Машунь! — она замечает цветы и чуть не визжит, — Ой, какая прелесть! Кто это тебя так балует?

Мысленно радуюсь, что успела спрятать карточку. Подчерк Владимира Ивановича начальнице прекрасно известен.

— Не знаю, — равнодушно пожимаю плечами и тянусь к сетевому фильтру, чтобы включить компьютер.

— Проказница, — весело хохочет женщина и шутливо грозит пальцем, — Колись, кто наш загадочный поклонник?

Кошусь на нее. Вот, скажите, бабе уже полтинник, а здоровья и энергии на десятерых! Вчера весь вечер бухала, а похмелья ни в одном глазу. Где у этой невозможной женщины кнопка выключения? Так и подмывает ее нажать, чтобы не совала свой нос, куда не следует.

Сурово смотрю на Веру Ивановну, а она машет рукой со словами:

— Да, ладно тебе. Итак понятно, кто их подарил. Иваныч вчера весь вечер тебя взглядом пожирал. Дала бы уже мужику, чтоб не мучился.

— Вас забыла спросить, — ядовито шиплю я и рывком подрываюсь с места.

Как же меня все это достало. Цветы летят в шкаф для верхней одежды. Вечером поеду мимо мусорки и устрою ритуальный выброс.

Вера Ивановна изумленно выпучивает и без того огромные глаза, но от комментариев воздерживается и валит по-тихому от греха...

Да-да. Давненько я не была такой злой.

На волне переживаний работалось мне отлично. Девочки только и успевали бегать по коридору как электровеники, выполняя поручения.

— Что это? – спросила я у казначея, рассматривая очередную заявку на оплату.

Женщина пожала плечами.

— Вера Ивановна распорядилась.

Я продолжала внимательно рассматривать документы основание и все больше хмурилась. В последнее время начальница постоянно проводила какие-то странные операции. Сомневаюсь, что делала она это по собственной инициативе. В нашей конторе никогда ничего не происходило без ведома босса, особенно если это касалось денег. Они с Верой Ивановной уже пятнадцать лет бок о бок работают. Не думаю, что есть повод для беспокойства.

И все же...

Он был, если учесть, что за финансы в этой компании пока

что отвечаю я. В том числе и перед законом.

— Я могу это забрать? – поторопила меня казначей, чуть ли не выхватывая из рук документы.

Я растерянно кивнула и посмотрела на часы. Да. Скоро обед. Все торопятся расправиться с основными делами до обеда.

Грустно посмотрела на финансовые раскладки, в рабочем беспорядке разбросанные по столу. Незаконченный проект. Теперь уже и не к чему заканчивать. За две недели не успею. Пусть другой директор теперь дорабатывает.

Жаль.

Интересная работа. Творческая.

Рука зависла над телефоном. Хотела позвать Веру Иванову вместе пообедать, но червячок, который поселился после просмотра сегодняшних документов на оплату, заставил набрать номер главного бухгалтера.

— Анастасия Львовна, принесите-ка мне, пожалуйста, отчет за последний квартал по всем фирмам, если несложно, — попросила я ее.

— Что? Прямо по всем? – удивилась она.

— По всем.

Через двадцать минут мне на стол притащили с десятков папок, которые заняли практически весь стол, из разнообразия которых меня интересовала только одна. Я специально попросила принести все, чтобы это ни выглядело подозрительно. У Веры Ивановны вся бухгалтерия с рук ест, и обо

всем доложат.

Обложившись папками со всех сторон, принялась изучать содержимое, параллельно сверяясь с программами. Время от времени кто-нибудь заглядывал, пытался отвлечь, но я всех выпроваживала под видом сильной занятости, а после и вообще закрыла дверь, чтобы никто не отвлекал.

К вечеру поняла, что дело. В самом конце квартала Владимир Иванович реализовал несколько весьма дорогостоящих активов, а Вера Ивановна все это наспех завуалировала. Сделано это было совершенно без задней мысли, потому что делалось так всегда.

Владимир Иванович не простой бизнесмен, а человек с очень и очень хорошими связями. За ним стоят люди при должностях и званиях. Именно поэтому Вера Ивановна спокойно играет с налогами в пинг-понг не заморачиваясь. У нее годами все схвачено.

Аккуратно сложив папки стопочкой, посмотрела на часы – пора домой.

Да кто ж меня домой-то отпустит, не потрепав напоследок нервы.

Только вышла из здания и направилась на парковку, как следом за мной вприпрыжку на высоких каблуках вынеслась Людочка с криком:

— Мария Викторовна! Подождите! Там шеф вас к себе вызывает. Срочно!

Я досадливо поджала губы.

Знает гад, как вызвать так, что б и отказать ни могла.

Глубоко вздохнула и поплелась назад.

Кабинет начальника встретил меня тишиной. Владимир Иванович сидел за столом и что-то увлеченно рассматривал на ноуте, нацепив на нос очки. Повернув голову в сторону двери, он кротко сказал секретарше:

— Иди домой Люда, — и переключил все внимание на мою скромную персону.

Стесняться не стала, присела напротив и выжидательно уставилась на мужчину, про себя отмечая, как идут ему очки.

Твою мать!

Вот почему мои мысли постоянно съезжают на эту запретную тему.

— Тебе понравились цветы?

Серьезно? Он вызвал меня, что бы узнать об этом?

— Да, — не моргнув и глазом, соврала я, мысленно уже строча заявление на увольнение.

Владимир Иванович подался вперед всем корпусом, не прекращая гипнотического зрительного контакта, и чуть насмешливо поинтересовался:

— Настолько, что не стала домой брать на выходные?

Это он еще не в курсе, что я их вообще в шкафу забыла. Уж очень домой спешила.

Мужчина не спеша поднялся и, обойдя вокруг, встал у меня за спиной, наклонился и оперся ладонями о столешницу, захватывая в кольцо рук. Легкое дыхание коснулось виска и

в кровь словно впрыснули дозу адреналина.

Сердце зашлось в бешеном ритме, понимая, что мы одни в совершенно пустом офисе и никто не спасет меня от... самой себя.

— Они же завянут без твоего внимания, — с укором шепчет он у уха, и кожа мгновенно покрывается мурашками.

Это что? Такое сильно завуалированное «пожалей меня». Страдалец чертов!

— Не думаю, — хрипло выдавила я, стараясь отодвинуться, но не тут-то было.

Мужская ладонь легла на ключицу, мягко поглаживая кожу над скромным вырезом блузки, как бы намекая, что при резких движениях все может кончиться жестким захватом.

Я шумно сглотнула, пытаясь не поддаваться панике.

Это всего лишь игра.

Богатенькому дяде стало скучно, а щекотать нервы мне — отличная возможность развлечься.

Включится в игру?

А зачем? Если уже в понедельник у Веры Ивановны будет на столе лежать заявление.

Но он-то об этом еще не догадывается и думает, что может играть в такие опасные игры.

— Думать нужно лучше, — говорит он и прижимается губами к изгибу шеи, шумно вдыхая воздух, — Хорошо пахнешь.

Низкий тембр его голоса рождает в глубине тела едва уло-

вимые вибрации.

Черт!

Как же не хочется чувствовать жара его ладоней и тяжести сбившегося дыхания, окунаться в забытые ощущения.

Секс с ним всегда был чем-то особенным, невообразимо чувственным и ярким. Словно в мозгу что-то переклинивало и начинало искрить нездоровыми эмоциями.

И мне казалось, что я это все пережила, переболела много лет назад. Отношения с мужем были ровные, спокойные, но и огня в них было достаточно, чтобы вот так с ходу кидаться в чужие объятия.

— Да пошел ты..., — шиплю я и резко дергаюсь из объятий Владимира Ивановича.

Он от неожиданности делает шаг назад, выпрямляясь и одновременно давая мне место для маневра. Подскакиваю, но не успеваю и пикнуть, как оказываюсь распластанной спиной на столе. Широкие мужские ладони перехватывают колени, которыми я пытаюсь ударить этого старого придурка.

Замираю, шокировано пыхтя от беспомощности своего положения, но дергаться больше не пытаюсь. И вовсе не потому, что смирилась с таким положением дел. Просто хватка жестких пальцев достаточно сильна, чтобы оставить на коленях синяки. И как, мать вашу за ногу, я объясню мужу такие вот следы?! Он же не дурак.

— Пусти.

Начальник наклоняется ко мне, и я захлебываюсь заготов-

ленными словами, от пламени, полыхающего на дне голубых глаз.

Вот теперь мне реально страшно.

— А то что? — ухмыляется мужчина.

Он касается губами моего подбородка, замершего от напряжения рта, и с усмешкой заявляет:

— Я уже месяц мечтаю трахнуть тебя на этом столе.

Он надеется сбить меня с толку этой откровенностью. Дезориентировать, чтобы я потерялась в собственном смущении.

Но мне уже не девятнадцать чтобы вестись на подобные проделки.

— Тебе Людка больше не дает?

Светлые брови удивленно ползут вверх.

— Дает, — протягивает он с самодовольной интонацией в голосе.

Пытаюсь дернуться под ним. Ни хрена...

— Нравится, когда сопротивляются? Что на обычную ласку больше не стоит?! — ядовито говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Улыбка слетает с лица мужчины, и в следующее мгновение я оказываюсь свободна.

— А ты стала стервой, — качает головой, едва скрывая досаду.

— Я всегда была ею, — огрызаюсь в ответ.

Медленно поднимаюсь и демонстративно поправляю

одежду. Хотя отчаянно хочется схватить сумку и бежать опрометью из директорского кабинета.

Нельзя. Нельзя дать слабину. Если дам понять, что прежние чувства еще теплятся в душе, то в жизни от него не отделаюсь.

— Не знал, — наблюдает за мной как удав, отслеживающий реакции.

— А что ты вообще обо мне знал? — с вызовом смотрю в его глаза, хотя внутри все дрожит от едва сдерживаемых эмоций.

— Ты обвиняешь меня в том, что не мог дать тебе большего? То, чего ты заслуживала? Извини. Я никогда не давал тебе повода думать, будто разведусь с женой. Все было честно.

— Я была молодой и глупой, но не настолько, чтобы питать иллюзии в отношении тебя, — усмехнулась я, — Нам было хорошо вместе. Каждый получил что хотел. Расстались. Так в чем проблема?

Несколько мгновений он напряженно глядит в мое лицо, словно хочет увидеть ответы на невысказанные вслух вопросы.

— Мы не расставались. Ты сама решила за меня.

Тупо смотрю на него и начинаю истерически смеяться.

— Я замуж выходила. Замуж! И поверь, мой муж меньше всего заслуживает гулящую жену. И потом – не сильно-то ты пытался меня переубедить.

Вовремя прикусила язык, с которого чуть не слетело: «если бы ты только попросил остаться».

Хватаю сумку и, оборачиваясь, иду к двери. Бежать нужно. Пока не наговорила лишнего. Но не тут-то было. Меня хватают за локоть, удерживая на месте.

— Ты, думаешь, он такой святой? Муж этот твой, — зло выплевывает мне в лицо Владимир Иванович, нависая грозной тучей, будто может задавить своим авторитетом, — Думаешь, он чем-то лучше меня?

Я медленно качаю головой и тихо отвечаю:

— Нет, не лучше. Просто он отец моих детей. За одно это я готова простить ему очень многое.

Он, видимо, хотел что-то еще сказать, но передумал. Рука его бессильно опустилась, а сам начальник отвернулся, глухо сказав:

— Чего встала? Иди отсюда.

Мне дважды повторять не нужно было. Стараясь не спешить, сначала вышла из приемной, дошла до машины. И только там — в гостеприимной тишине салона, выдохнула и расплакалась.

Глава 3

Детей забрать едва успела. Глядя на недовольно поджавшую губы воспитательницу, хотелось нагрубить ей, вывалить на нее весь негатив, скопившийся в душе.

— Постарайтесь приезжать раньше, — не удержалась она от замечания, — У меня тоже свои дела.

Проглотила вместе с неприятным комом в горле резкие слова и молчаливо покивала. Похоже, ее такой ответ устроил.

Дети были возбужденными. У них сегодня в садике показывали спектакль. Перебивая друг друга, они принялись пересказывать сказку. В итоге передрались в машине за право выложить маме страшную тайну царевны-л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.